

В. М. Безотосный

**У ИСТОКОВ
НЕОСУЩЕСТВЛЁННОГО
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОЕКТА ВЕКА:
«ИНДИЙСКИЙ ПЛАН»
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА**

В современном языке не зря имеет хождение термин «наполеоновские планы». Современникам и потомкам Наполеон навсегда запомнился как знаменитый государственный деятель и полководец, умевший воплощать в жизнь самые смелые широкомасштабные замыслы, о чем свидетельствовали его успешные военные кампании на европейском континенте; почти каждая из них основывалась на неожиданных для противника и новаторских по духу и исполнению стратегических решениях. Он не раз удивлял мир плодovitым воображением и неординарными актами в политической сфере. Но им принимались и военно-политические проекты, которые оказались до конца неисполнимыми или провальными: Континентальная блокада, Египетская экспедиция, Испанская авантюра, Русский поход. В его голове рождались планы, которые почти были готовы к осуществлению (например, высадка десанта в Англию), но сорвались, или же настолько грандиозные, что так и остались нереализованными, например проект Индийского похода. На последнем наполеоновском имперском замысле, имевшем воистину геополитический характер и грозившем перевернуть мировое устройство, остановимся и попробуем разобрать его подробно, так как он напрямую оказался в тот период тесно завязан с Россией и проводимой ею политикой.

После выхода в свет в 1721 г. знаменитых «Персидских писем» Ш. Л. Монтескье в Европе началось повальное увлечение Востоком, особенно сильно проявлявшееся в образованном обществе. С юных лет Восток манил и Наполеона, зараженного модными идеями ориентализма. Никто из серьезных исследователей не считал случайностью его экспедицию в Египет. Но особое место в наполеоновских планах всегда занимала Индия. И отнюдь не потому, что французскому полководцу не давали покоя мечты о лаврах Александра Македонского. Он, будучи сугубым прагматиком, в данном случае исходил из реалий своего времени. Во Франции с незапамятных времен главным противником страны всегда считалась мастерская мира и владычица морей — Великобритания. В этом отношении мышление великого полководца не отличалось оригинальностью. А вступив в смертельную схватку с могущественным островным гигантом, империя Наполеона, не располагая флотом, не могла рассчитывать на быструю победу. Франция искала другие, более эффективные пути для того, чтобы поставить неуязвимый на морях «коварный Альбион» на колени. Помимо применения жестких экономических средств (континентальной блокады), периодически возникала идея военного похода в Индию. Осуществление такой экспедиции не просто расширяло ареал военных действий — она резко изменила бы стратегическую ситуацию, заставила бы Великобританию сражаться с перевернутым фронтом.

Не вызывает сомнения, что, с точки зрения французских интересов, военное предприятие в Азии с конечной целью завоевания Индостана являлось стратегически важным шагом, который мог бы привести к полному краху Великобритании и кардинально изменил бы геополитический расклад сил в мире. Трудно даже просчитать все ближайшие последствия такой экспедиции, если бы она успешно завершилась. Последствия для мировой политики были бы радикальными, если не сказать — революционными.

Впервые идея индийского похода была высказана молодым, только что получившим известность генералом Н. Бонапартом в 1797 г., еще до его экспедиции в Египет, которая рассматривалась как первый и очень важный шаг на пути к лишению Великобритании владычества над Индией. Считается, что позднее, получив государственную власть в свои руки, став первым консулом, он пытался усиленно внушать императору Павлу I мысль о совместном походе в Индию. Он, якобы, даже разработал и предложил проект совместной франко-русской сухопутной экспедиции к р. Инд¹. Но у России и Франции тогда еще не имелось даже мирного договора, не говоря уже о заключении военно-политического союза. Да, главы государств вступили в личную переписку, но вот о самом проекте франко-русской экспедиции

¹ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 6–7.

в Индию нет ни слова, нельзя обнаружить даже следов обсуждения этой идеи в опубликованных дипломатических документах. Дело осложняется тем, что помимо этого совместного проекта Павел I в конце своего правления предпринял конкретные шаги для реализации собственной программы русского проникновения в Индию через Среднюю Азию. Чаще всего исследователи рассматривают эти два плана как звенья одной цепи, а также считают, что российский император был заигнорирован красивой идеей Наполеона и постарался осуществить ее самостоятельно. Тут важно разобраться, насколько тесно оказались взаимосвязаны эти два плана и какой из них был первичен? Также необходимо выяснить истинное авторство и время составления проекта совместной французско-русской экспедиции.

Впервые проект был опубликован на французском языке в 1840 г. в брошюре под названием «Памятная записка Лейбница Людовику XIV о завоевании Индии, публикуемая с предисловием и замечаниями Гоффмана, с приложением проекта сухопутной экспедиции в Индию по договоренности между первым консулом и императором Павлом I в начале этого века»². На русский язык проект был переведен с французского и опубликован в 1847 г., правда, без указания на подлинник и под слегка видоизмененным названием³. Причем переводчик не был указан при издании книги. Вероятно, по цензурным соображениям из русского перевода было убрано лишь помещенное перед текстом проекта «напоминание», написанное, видимо, Гоффманом: «Покушение на жизнь первого консула 24 декабря 1800 г. и трагическая смерть императора Павла I 24 марта 1801 г. стали пагубными следствиями проекта экспедиции в Индию. Известно, откуда нанесены удары!»⁴. Но переводчик (а вслед за ним и историки) сделал безоговорочный вывод, что сам проект составлялся первым консулом, хотя в оригинале об этом отсутствуют точные указания⁵. Позже при переизданиях текста и в комментариях к нему появилось утверждение, что этот проект был прислан в 1800 г. российскому императору генералом Ж. К. Дюроком. Но Дюрок прибыл (возможно, и с проектом) в Петербург уже после смерти Павла I и фактически не мог обсуждать с ним детали этого плана. О кратком содержании этого проекта и о направлении в Петербург Дюрока впервые написал в своих мемуарах, опубликованных в 1845 г., шведский посол в России граф

² Mémoire de Leibnitz, à Lous XIV, sur la conquête de l'Égypte, publié avec une peface et notes, Par M. de Hoffmanns, suivi d'un projet d'expédition dans l'Inde, par terre, concerté entre le premier consul et l'Empereur Paul I-er, au commencement de ce siècle. Paris, 1840. P. 37–56.

³ Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте. М., 1847.

⁴ Mémoire de Leibnitz, à Lous XIV, sur la conquête de l'Égypte... P. 38.

⁵ При переиздании «Проекта» в 1880 г. также не были указаны переводчик и местонахождение оригинала (См.: Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте. СПб., 1880.).

К. Л. Б. К. Стединг⁶. По воспоминаниям современников, он занимал исключительное положение в дипломатическом корпусе — так, И. А. Эренстрем полагал, что «ни один из иностранных послов при русском дворе не пользовался равным с ним положением»⁷. Из всех дореволюционных отечественных историков лишь Д. А. Милютин высказал сомнения «в подлинности этого проекта, соображенного крайне легкомысленно и без основательных местных данных», так как автор французской брошюры не указал места хранения источника⁸. Думаю, подлинность самого документа все же подтверждается мемуарными свидетельствами, да и сам Д. А. Милютин привел в переводе любопытные отзывы о проекте двух агентов прусского министра К. А. Гарденберга, написанные по горячим следам, один из Парижа, другой из Лондона⁹. Трудно предположить, что в 1840 г. (а это год перезахоронения тела Наполеона в Париже) некто самостоятельно составил подобный план и выдал его за оригинал начала века. Но когда и кем был составлен проект — вопрос остается до конца не проясненным, хотя несколько десятков исследователей до сих пор уверенно приписывали его замыслу первого консула Н. Бонапарта и датировали 1800 годом¹⁰.

Приведем для начала лишь эскизно суть проекта. 70-тысячный экспедиционный корпус (половина французов, половина русских, из них 10 тыс. казаков¹¹) под командованием тогда еще генерала А. Массена (на его кандидатуре настаивал Павел I¹²) должен был за 120–130 дней (май—сентябрь

⁶ *Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk*. Т. II. Paris, 1845. P. 6–8. Позднее в отечественной литературе при очередной публикации (в виде краткого резюме) этого проекта утверждалось, что этот документ, «присланный Наполеоном к Павлу I через генерала Дюрока... найден в бумагах бывшего в то время в России шведским посланником графа Стединга и напечатан в посмертных о нем записках» (Русская старина. 1876. № 1. С. 216–217).

⁷ Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема // Русская старина. 1893. № 8. С. 240.

⁸ *Милютин Д.* История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. III. СПб., 1857. С. 697.

⁹ Там же. С. 668–669.

¹⁰ Единственным из отечественных историков, кто посчитал, что данный проект составлялся, «по-видимому, лично Павлом», был Е. Л. Штейнберг, но он не конкретизировал датировку и не опровергал оппонентов, а в пользу своего мнения не привел никаких аргументов (*Штейнберг Е. Л.* Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX–XX вв. // Исторические записки. Т. 33. М., 1950. С. 48).

¹¹ В своих мемуарах граф К. Л. Б. К. Стединг написал, что «Павел уже приказал собрать 50 000 казаков для этой экспедиции перед своей смертью» (*Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk*. Т. II. P. 7).

¹² Об этом ничего не говорилось в тексте проекта, а позднее историки взяли данный факт (как и некоторые другие) из мемуарного свидетельства шведского посла в России К. Л. Б. К. Стединга (См.: *Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk*. Т. II. P. 7). В противовес этому издатель А. Соболев при повторной публикации «Проекта.» в предисловии высказал совсем иное мнение, что Н. Бонапарт «как ясно видно, прочил себя в командуемые славную индийскую экспедицию» (Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте. СПб., 1880. С. 4). Но указаний на этот факт в тексте не имеется.

1801 г.) достичь берегов Инда. Планировалось, что в мае 1801 г. французские части от Рейна по р. Дунай при содействии Австрии попадут на Чёрное море, пересев на суда русского флота, доберутся до Таганрога, а оттуда пешком порядком по суше перейдут до станицы Пятиизбянской, затем, переправившись через Дон, совершат пеший переход к Царицыну. После чего по Волге они спустятся на судах до Астрахани, где к ним уже присоединятся русские войска. На это отводилось 80 дней. Впоследствии объединенный экспедиционный корпус через Каспийское море на купеческих кораблях попадет в персидский город Астрабад (часть русских войск должна была высадиться там заранее), после чего двинется к правому берегу реки Инд по маршруту Мешхед — Герат — Феррах — Кандагар. И на все эти действия отводилось лишь 45–50 дней!

Сложилась весьма странная ситуация. Авторство все приписывали Наполеону. И после текста в качестве приложения были помещены вопросы, якобы также сделанные самим первым консулом. Эти утверждения плохо увязываются между собой, на что указывают следующие обстоятельства. Разработчик проекта (Н. Бонапарт), дав его для ознакомления возможному партнеру, мало того, будучи крайне заинтересованным в том, чтобы его идею восприняли и приняли, вместо дополнительных и убедительных доводов, вдруг неожиданно задает конкретные вопросы («objections» — в первом переводе правильно названы «возражениями»), которые, в сущности, ставят под сомнение его авторство. Не будет же создатель проекта задавать вопросы сам себе? А вот ответы на них якобы дал Павел I (указаний на это в тексте также не имеется), его предполагаемый партнер. Причем в ответах предложенную идею защищал как раз российский император, он явно пытался развеять у другой стороны всяческие сомнения в реальности осуществления проекта. В данном случае, исходя из элементарной логики и отбросив утверждения историков, необходимо поменять местами разработчика и партнера: то есть предположить, что разработчиком идеи был Павел I, а вот потенциальным партнером — Н. Бонапарт. Тогда с точки зрения логики все становится на свои места. А поскольку нет полной уверенности в точном авторстве (думается, Павел I не мог собственноручно написать проект, не царское это дело), имена первых лиц государств следует заменить и условно именовать русской и французской стороной. Тогда проект, помещенные вопросы и ответы будут иметь хоть какое-то логическое обоснование. Русская сторона предложила идею, французская задала вопросы, русская сторона попыталась развеять сомнения партнера.

Приведем в кратком изложении вопросы-возражения, которые были заданы французской стороной. Наполеон Бонапарт не мог не отдавать себе отчета в том, что на пути претворения в жизнь такого грандиозного

замысла встретится немало непредвиденных трудностей, и это обстоятельство его беспокоило. Поскольку пребывание французских войск на русской территории (центральная часть проекта) было расписано подробно и в радужных тонах, его в первую очередь волновали вопросы начальной и заключительной стадий экспедиции. Всего было поставлено пять вопросов (возражений). Хватит ли судов для перевозки по Дунаю французского корпуса? Пропустят ли турки французов к устью Дуная? Хватит ли русских судов для перевозки войск по Черному морю? Не атакует ли русские суда в Черном море английский флот? Прямо задавался вопрос о том, каким образом русско-французская армия «может пройти до Индуса, по странам диким и лишенным средств, армия, которой придется пройти расстояние, составляющее около 1 500 верст от Астрабада до границ Индустана?».

Как ни парадоксально, но российский император постарался рассеять его опасения, выразив большой оптимизм и уверенность в успехе предполагаемой акции. Приведем для наглядности полностью ответ на последний вопрос: «Эти страны вовсе не дики и не бесплодны; дорога эта открыта и посещается с давних времен; караваны обыкновенно приходят в тридцать пять или сорок дней с берегов Индуса в Астрабад. Земля вовсе не покрыта, как в Аравии и Ливии, сыпучими песками: она, напротив, почти на каждом шагу орошается реками; фуража в тех странах довольно; рис в изобилии и составляет главнейшую пищу обитателей тех стран; быки, овцы и дичь там обыкновенная вещь; фрукты разнообразны и бесподобны. Одно основательное возражение можно сделать: это продолжительность похода; но из-за этого не должно отвергать проекта; армия, русская и французская, жаждут славы; они храбры, терпеливы, неутомимы; их храбрость, и благоразумие и настойчивость начальников победят все, какие бы ни было, препятствия. Одно историческое происшествие подкрепляет это положение. В 1739-м и 1740-м годах Надир-Шах, или Тамасс-Кули-Хан¹³, выступил из Дели с многочисленной армией для произведения экспедиции в Персию и к берегам Каспийского моря; он прошел через Кандагар, Феррах, Герат и Мешид, и прибыл в Астрабад; в то время все эти города были значительны; хотя теперь они много потеряли прежнего блеска, но все же сохранили большую часть его. Что сделала в 1739 и 1740 годах армия вполне азиатская (этим выражается в точности ее значение), то, без сомнения, могут исполнить теперь армия русская и французская. Вышеупомянутые города составят главные пункты сообщения между Индустаном, Россией и Францией;

¹³ Шах Надыр (Надир-Шах Афишар) (1688–1747), шах Персии с 1736 г. В 1737–1739 гг. совершил поход в Северную Индию, взял г. Дели и разорил его. Последующая фраза, видимо, относится к отступлению его из Индии.

для этого необходимо устроить военную почту и употребить для нее козачков, наиболее способных к таковому роду службы»¹⁴.

Отчетливо видно, что русская сторона старалась развеять все возникшие сомнения французов, рьяно защищала проект, конкретизировала и дополняла его, демонстрируя хорошую осведомленность и проработку в отдельных деталях. Это вряд ли могли сделать французские специалисты.

В пользу нашего предположения говорит и анализ содержания самого проекта. Приведем текст из первого абзаца, где говорилось о цели экспедиции: «Изгнать безвозвратно англичан из Индустана, освободить эти прекрасные и богатые страны от британского ига, открыть промышленности и торговле образованных европейских наций, и в особенности Франции, новые пути: такова цель экспедиции, достойной увековечить первый год XIX столетия и правителей, замысливших это полезное и славное предприятие». Бросается в глаза, что во Франции в это время летоисчисление велось не от Рождества Христова, а по годам республики (хотя могли и перевести на общеевропейскую датировку). Кроме того, вряд ли французская сторона уже в начале текста проекта стала бы подчеркивать, что достижение поставленной задачи будет выгодно «в особенности Франции». Это могло оттолкнуть потенциального партнера. А вот русские как раз могли для убедительности выдвинуть такой тезис. В проекте лишь мимоходом, в двух фразах, говорится о том, как французский корпус достигнет устья Дуная, дальнейший путь, особенно по русской территории, описывался очень подробно, причем автор проявил поразительную осведомленность и отличное знание российских географических, хозяйственных и торговых реалий. Приведем некоторые подробности. В проекте предлагалась французским войскам следовать налегке в Россию без лошадей, повозок, тяжелой артиллерии и запасов, так как все это можно было приобрести на русской территории. Вряд ли французская сторона стала бы делать подобное предложение русским. Автор же считал, что французскими комиссарами «лошади могут быть куплены между Доном и Волгою, у козачков и калмыков; там находятся в бесчисленном множестве лошади, самые способные для службы в тех краях... и цена их гораздо дешевле, чем где-либо»; военные запасы «могут быть взяты из арсеналов астраханского, казанского и саратовского, которые снабжены ими в изобилии». Очень любопытен пассаж автора о закупке французами «принадлежностей лагерного расположения войск» и комиссариатских ве-

¹⁴ Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте. С. 31–36 (повторное издание: Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте. СПб., 1880. С. 7–26); Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 40–50; Русская старина. 1873. № 9. С. 401–407.

щей: «Все эти предметы находятся в большом изобилии в России и дешевле, чем в других частях Европы. Французское правительство может договариваться о них с директорами сарептской колонии, лежащей верстах в тридцати от Царицына, на правом берегу Волги. Главное правление этой евангелической колонии, слывущей самою богатою, самою промышленною и самою точной в исполнении принятых условий, находится в Саксонии; там должно выхлопотать приказание о том, чтобы сарептская колония взяла на себя поставку разных потребностей для армии». Также предлагалось поступить и с аптекой: «Она может быть поставлена сарептскою колониюю, в которой с давнего времени существует аптека, соперничающая с императорскою московскою аптекою в разнообразии и качестве медикаментов»¹⁵. Вряд ли французские дипломаты и даже разведчики (а надобности в них на территории России тогда у Франции не было) располагали столь исчерпывающими сведениями. Если бы автором был француз, то он не стал бы так характеризовать арсеналы (откуда он узнал об «изобилии?»), распространяться о низких ценах на лошадей и военные вещи, указывать русским, где находится Сарепта, сравнивать ее аптеку с московской, давать совет французскому правительству заключить договор с Главным евангелическим правлением в Саксонии. Таких чисто «русских» сюжетов и пассажей можно найти в тексте множество. Отметим лишь еще одну подробность: касаясь вопроса о месте переправы через Дон у станицы Пятиизбянской, автор указал, что река «в этом месте немного шире, чем Сена под Парижем»¹⁶. Если автором являлся француз, он вряд ли стал бы называть такие тонкости русской стороне (это было бы странно), но если сочинитель — русский, побывавший в Париже, то тогда понятно, что он делал сравнение с известными всем французам величинами. Вообще сам текст написан и выдержан в духе «рыцарских» фантазий и одновременно мелочности Павловского царствования.

Да и политическая обстановка во Французской республике в 1800 г. свидетельствует не в пользу авторства Наполеона в этом проекте. Хотя для отечественного историка соблазнительно было бы выдвинуть тезис о том, что первый консул хотел любым способом поймать в свои сети Павла I. Безусловно и вне всяких сомнений, Бонапарт имел тогда желание заключить союз с Россией и очень много сделал в этом направлении. Но перед ним в то время стояли несколько иные цели. Он только что получил власть в свои руки, и ему именно в этот конкретный период нужна была в первую очередь передышка, мир с Англией. При этом он всеми средствами хотел сохранить и Египет, где не в самом лучшем состоянии еще находились

¹⁵ Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапарте. С. 17–20.

¹⁶ Там же. С. 16.

и действовали французские войска. А тут первый консул должен был бы выделить еще дополнительно 35 тыс. солдат (не говоря уже о финансовых издержках — в период консульства государственные расходы Франции имели скромные «республиканские» размеры) и направить их на край земли; а ведь в 1800 г. даже не закончились военные действия против Австрии. Конечно, у него хватало авантюризма в крови, но прямой расчет говорил, что подобные предприятия уже выходили за границы разумного. Не случайно один из современников, знакомый с проектом, достаточно умный и проницательный шведский дипломат Стединг, считая его «химерическим», сделал следующую ремарку: «Непонятно, как план достаточно незрелый и демонстрирующий совершенное незнание местностей, обстоятельств и безмерных пространств, которые экспедиционным войскам предстояло пройти, чтобы достичь Инда., мог выйти из кабинета Наполеона, если только не считать это хитроумной политикой, чтобы обольстить фантастическую впечатлительность императора Павла, крайне недовольного в тот момент Сент-Джеймским кабинетом»¹⁷. Но и как отвлекающий маневр Бонапарта по отношению к России этот проект не мог быть составлен в 1800 г. Нормализация отношений и контакты между дипломатами начались лишь со второй половины 1800 г. (в сентябре). Первое письмо первый консул написал Павлу I 9 (21) декабря 1800 г., а российский император Наполеону — лишь 18 (30) декабря того же года. В связи с обострением отношений России с Англией Павел, даже еще не заключив мир с французами, вынужден был прямо обратиться к первому лицу Франции 15 (27) января 1801 г. Вот что он тогда написал Н. Бонапарту: «Я не могу не предложить Вам, нельзя ли предпринять или, по крайней мере, произвести что-нибудь на берегах Англии, что в то время, когда она видит себя изолированной, может заставить ее раскаиваться в своем деспотизме и в своем высокомерии»¹⁸. Наполеон обещал тогда ему помочь и организовать ряд демонстраций своих войск на против берегов Англии и даже провести десантные операции. Но вряд ли до этого письма он решился бы сразу с места в карьер предлагать проект похода в Индию — только-только оба государства (в первую очередь Франция) с большим трудом нашли совместный интерес, начались очень сложные переговоры о мирном договоре и союзе. Появление же французского плана диверсии в Индию могло спугнуть такого непредсказуемого партнера, как Павел. Как свидетельствуют исследователи, лишь в конце февраля 1801 г. Н. Бонапарт занялся изучением карт азиатских стран, имея в виду возможность совместного похода в Индию¹⁹.

¹⁷ Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk. Т. II. P. 8.

¹⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 70. СПб., 1890. С. 32–33.

¹⁹ Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968. С. 69.

А вот со стороны скорого на решения российского императора подобный проект был вполне вероятен. Уже в конце 1800 г. политика Павла I приняла отчетливое антибританское направление. Хотя французские и русские дипломаты только начинали переговоры (они продвигались вперед с большим трудом), русские генералы могли подготовить вопрос о военном сотрудничестве и начать его обсуждение. Но лишь в записках А. М. Тургенева (страдающих многими неточностями) удалось найти короткое упоминание о чем-то подобном в 1801 г. В его воспоминаниях говорится: «Император Павел отправил г. Колычева к Наполеону послом, а вскоре потом был послан генерал от инфантерии и командир гвардии Семеновского полка Василий Иванович Левашов, для заключения военной конвенции против Англии»²⁰. Правда, в официальных источниках значится, что В. И. Левашов²¹ в этот период был направлен чрезвычайным послом в Неаполь, но он мог, особо не афишируя свою миссию, по дороге заехать в Париж. До него в Париж был отправлен и генерал граф Г. М. Спренгтпортен («лицо, наделенное полномочиями»), официально — для приема и возвращения на родину русских пленных²². Он несколько раз встречался с Бонапартом, и через него было передано предложение Павла I о готовности вступить в переговоры о мире с французской стороной²³. Кто-то из этих генералов, вероятно, и привез проект экспедиции в Париж, и кому-то из них, возможно, принадлежали ответы на вопросы французской стороны.

Думаю, не стоит приписывать Наполеону то, что исходило не от него. В то же время нельзя говорить и о возможности реального осуществления проекта, в первую очередь по политическим причинам. Тут важно отметить, что документ еще не имел официального утверждения ни с одной стороны, а о походе в Индию в переписке 1801 г. между первым консулом и российским императором даже не упоминалось. Никаких подготовительных мероприятий по реализации этого проекта ни с русской, ни с французской стороны не последовало. Да и никаких шансов осуществить этот проект даже в 1801 г., в силу сложившейся международной ситуации в Ев-

²⁰ Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. 1886. № 1. С. 47.

²¹ В. И. Левашов с 16 февраля 1800 г. занимал придворную должность обер-егермейстера.

²² И. Э. Эренстрем дал следующее объяснение выбора и назначения на этот пост бывшего шведского подданного графа Г. М. Спренгтпортена. На удивление вице-канцлера графа Н. П. Панина этим назначением Павел I отвечал следующим образом: «Вы находите выбор мой странном, но я поступаю именно так, как следует, когда посылаю изменника к узурпатору» (Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема // Русская старина. 1893. № 8. С. 264).

²³ В его свите, судя по ведомости на расходы, кстати не маленькие, состояли: инженер-генерал-майор Сулимов, полковник П. Долгорукий, майоры М. Ф. Ставицкий и С. Х. Ставраков, капитаны Тизенгаузен и П. И. Нейдгард, лейтенант флота Метакса (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1 / 152. Д. 111. Л. 73–80).

ропе, уже не оставалось чисто технически, не говоря уже о политических проблемах, которые не могли решаться в одночасье. Почему — можно разобратить поэтапно.

Первый этап: 35 тыс. французов должны были спуститься из Южной Германии к устью Дуная с согласия и при содействии австрийцев. Но только 9 февраля 1801 г. был заключен Люневильский договор между Францией и Австрией. А там не содержалось никаких статей о перемещении французских войск по Дунаю. Австрийцы были не настолько слабы или близоруки, чтобы разрешить бывшему противнику свободно передвигаться по стратегически важной водной артерии своей империи. Фактически только одно это перечеркивало на корню саму возможность совместной экспедиции. Но, предположим, что благодаря двустороннему франко-российскому нажиму согласие от Австрии удалось бы получить. Сразу же возникало новое затруднение — проблема Турции, которая формально контролировала устье Дуная. Как она могла дать разрешение на появление французского корпуса, когда в 1801 г. Египет (номинально подчиненный турецкому султану) продолжали занимать французы, а Турция находилась в состоянии войны с ними? Проблемы с Австрией и Турцией — это груз, порожденный французской политикой. Сделаем еще одно допущение, что России, имевшей тогда большое влияние в Стамбуле, удалось бы согласовать этот вопрос, «уломать» турок, или, на худой конец, занять Дунайские княжества, как это было сделано в 1806 г. Итак, французский корпус гипотетически добрался бы до Черного моря. Возникла бы очередная проблема: английский флот. Ведь вряд ли движение французского контингента осталось бы тайной для Лондона и британского адмиралтейства. Английская эскадра наверняка попыталась бы прорваться из Средиземного в Чёрное море, заблокировать на суше экспедиционный корпус и не допустить его переброску морским путем в русские порты. Снова допустим, что или турки не пропустили бы англичан, или русские смогли бы дать им отпор, или (самый крайний вариант) французы пешим порядком по русскому бездорожью наконец смогли бы добраться до пункта сбора — Астрахани. Опять возникли бы большие проблемы. Даже не из-за хорошо известной склонности к недопоставкам русского интендантства — возможно, под гневным государевым оком Павла I оно справилось бы с поставленными задачами и обеспечило в полном объеме необходимые запасы продовольствия. Но помимо недостатка русских судов на Каспии для транспортировки войск и грузов возникла бы проблема с Персией. Разрешил бы шах передвижения воинского контингента двух христианских государств через всю страну, да еще содержание на своей территории коммуникационной линии и иностранной базы в Астрабаде? Только совсем недавно, в 1797 г., у Персии был исчерпан последний военный конфликт с Россией, а налицо имелось

уже новое осложнение — Грузия²⁴. Опять сделаем допущение: уговорили или сделали бы шаху предложение, от которого он бы не смог отказаться. А дальше? А дальше наступило бы самое непредсказуемое — как бы встретили афганские племена, можно сказать, откуда-то с небес упавшие войска христиан? Тут уже никто не мог поручиться ни за что. Русские и французские дипломаты могли, потратив время и приложив, скорее всего, огромные усилия, предварительно обговорить условия и прийти к некоторым соглашениям с Австрией, Турцией и Персией, но вот заранее договориться с афганцами просто не имели возможности. Прежде чем достичь р. Инд, союзникам пришлось бы столкнуться с непредсказуемой реакцией горных свободолюбивых афганских племен. А по этому поводу никто не мог сказать что-либо определенное или даже предположить: для французов и русских Афганистан тогда все еще оставался *terra incognita*. А ведь после всего этого изнуренному длительным походом экспедиционному корпусу предстояло еще сражаться со свежими английскими войсками, и за исход военных действий никто поручиться не мог. Вот, например, что сообщал прусский агент из Лондона по поводу совместного русско-французского похода в Индию, помимо критического анализа чисто военных аспектов: «Если бы даже предположенная экспедиция имела самый успешный результат, то ни Россия, ни Франция не могли бы воспользоваться своим завоеванием, не могли бы упрочить своего владычества в этой стране, и скоро были бы снова вытеснены Британской силою военною, торговою и промышленною»²⁵. Да и при таких сложностях поддержания коммуникаций через Россию и Персию, когда любой виток внешнеполитических осложнений мог привести к катастрофическим последствиям, даже удержать пути отхода было бы трудно. Ведь Великобритания всегда проводила активную политику и, безусловно, оказала бы влияние на колеблющихся союзников, чтобы дезавуировать достигнутые соглашения об экспедиции.

Суммируя в общем все сказанное, нетрудно сделать заключение: на пути к достижению финальной части планируемой экспедиции перед возможными союзниками неизбежно возникал целый клубок проблем, и даже их переизбыток. Мало того, чтобы хотя бы частично их решить (получить

²⁴ Еще в конце 1800 г. в Тегеран прибыл чрезвычайный уполномоченный британского генерал-губернатора Индии капитан Д. Малькольм. Его посольство «стоило бешеных денег»: чтобы завоевать симпатии персидских правящих кругов, он не скупился на богатые подарки, покупая всех — «от шаха до погонщика верблюдов». В результате 4 января 1801 г. англичанами был заключен договор с шахом, «предусматривающий широкое политическое и военное сотрудничество между Персией и Англией». Формально он был направлен против возможной французской агрессии в районе Среднего Востока (Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой четверти XIX в. М., 1960. С. 105).

²⁵ Милотин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. III. С. 699.

хотя бы согласие на содействие со стороны Австрии, Турции, Персии) и подготовиться — ничего не было сделано. Сделать это не позволяли ни фактор времени, ни ситуация в Европе. Именно поэтому большинство исследователей квалифицировали этот проект как фантастический, нереальный.

Анализ данного документа (вне зависимости от авторства) показывает, что это была лишь идея или первоначальный набросок плана. Во всяком случае, с явными ошибками в расчете средств и времени движения. Например, вместо 50 дней от Астрабада до Инда (1 900 верст), по мнению публикатора этих материалов подполковника А. А. Баторского, потребовалось бы четыре месяца, «не считая пути до Астрабада от Рейна, который также рассчитан неправильно»²⁶. Возникли бы просто технические проблемы транспортировки войск по воде, а еще более значительные — по снабжению продовольствием 70-тысячного контингента еще в России, не говоря уже о Персии.

Лишь маршрут самого движения для совместной экспедиции был выбран правильно, так как являлся оптимальным оперативным направлением для похода в Индию. С этой точки зрения показательное внимание, которое уделяли многие европейцы XVIII столетия такому ключевому пункту на персидской территории, как Астрабад. Еще в 1786 г. ставший впоследствии знаменитым граф О. Г. Р. Мирабо высказывал мысль, что в перспективе русские могут совершить завоевание Индии, и этим они сделают поворот в европейской политике. При этом он указывал конкретное направление первоначального русского движения через Персию: Астрахань — Астрабад, сделав замечание, что до Астрахани водным путем можно добраться из Петербурга. Поэтому он советовал соединить усилия Европы с Россией против Англии²⁷. Поскольку материалы Мирабо были опубликованы в 1789 г., ими могла воспользоваться при желании и французская, и русская сторона. Сразу оговоримся, что тогда полностью исключалась переброска французских сил по морю в Петербург из-за господства британского флота, поэтому такой вариант и не мог прийти в голову иностранным или отечественным аналитикам. Чуть позднее, в 1791 г., французом Сен-Жени был составлен и через русского адмирала принца К. Г. Н. О. Нассау-Зигена представлен императрице Екатерине II план похода в Индию через Астрабад, а также через Бухару и Кашмир²⁸. Частично этот

²⁶ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII. С. 51.

²⁷ *Histoire secrete de la cour de Berlin, ou correspondance d'un voyageur français, depuis le cinq juillet 1776 jusqu' au dix-neuf janvier 1787*. Т. I. Paris, 1789. P. 123–124 (Lettre XXIX).

²⁸ *Снесарев А. Е.* Индия как фактор в средне-азиатском вопросе. СПб., 1906. С. 37; Ш-ий А. Былые русско-английские распри // Военно-исторический сборник. 1916. № 2. С. 36. Проект движения через Бухару и Кашмир был раскритикован генерал-фельдмаршалом Г. А. Потемкиным «как непрактичный и невозможный» (См.: *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. I. СПб., 1906. С. 43).

план был позже использован в Персидском походе 1796 г. Руководитель этого похода граф В. А. Зубов, будучи членом Астраханского комитета, созданного для улучшения торговли на Каспийском море, подал в 1803 г. записку «Общее обозрение торговли с Азией», уделив при этом внимание и Индии: «Для торговли нашей с Индией, чрез Каспийское море, я полагаю самым выгоднейшим Астробат... Отселе, чрез провинцию Хорасан и Кандагар до пределов Индостана, по удобной совершенно дороге, считается около тысячи только верст чрез горы, отделяющие Индию от Персии»²⁹. Думаю, что у русской стороны в начале века имелось и больше военных специалистов по этому региону (тот же Зубов), и чисто технических оснований для составления нового проекта проникновения в Индию через Персию, русские могли использовать предшествующий опыт и замыслы, а также торговые связи. И самое главное, у Павла I возникла личная заинтересованность в разработке такого плана. Все то, чего как раз не имелось во Франции в тот период.

Русско-французские отношения в 1800–1801 гг. прошли несколько периодов. Сближение позиций сторон началось в 1800 г., и в этом процессе Наполеон, надо сказать, очень быстро достиг определенных успехов, играя, в первую очередь, на оскорбленных чувствах русского монарха, резко изменившего отношение к своим недавним союзникам — Великобритании и Австрии. Решающую роль в тот момент, без всякого сомнения, сыграл личностный фактор. И индийский проект в русско-французских сношениях мог стать определенным средством, объединявшим двух глав государств. Датировать сам проект можно началом 1801 г. Думается, он был подготовлен в России после 15 января 1801 г. Ведь без доброй воли России совместная сухопутная экспедиция просто не могла состояться. Рассуждая логически, русские, если бы у них возникло такое жгучее желание, могли обойтись и без французов, самостоятельно выставить 70 тысяч бойцов вместо 35 тысяч и, договорившись с персидским шахом, двинуться в Индию по предложенному маршруту. Не надо было бы разрешать какие-то сложности с австрийцами и турками и опасаться действий английского флота в Черном море. Да и с административной и финансовой точки зрения это мероприятие, если внимательно прочитать все предложения проекта (перевозка на русских судах французских войск, закупка в России для французского корпуса военных припасов, лошадей, понтонов, транспортных средств, «принадлежностей лагерного расположения войск» и т. п.), казне обошлось бы значительно дешевле. Вероятно, для русской стороны важно было придать предприятию международный характер. С одной стороны — напугать Англию (чего частично смогли достичь), с другой — привязать

²⁹ Русско-индийские отношения в XIX в. М., 1997. С. 36.

Францию к политике России. И то, и другое глупым и неразумным не назовешь.

Видимо, именно такого рода мысли приходили в голову Павлу I. Но российский император, даже еще не заключив военно-политического союза с первым консулом Франции, вскоре пожелал решить труднейшую задачу завоевания Индии (или создания реальной угрозы такого завоевания) самостоятельно, без посторонней помощи. На это его подтолкнуло резкое обострение русско-английских отношений. Время поджимало. Обе страны к весне 1801 г. вплотную приблизились к состоянию войны. Английский флот в Балтийском море был уже практически готов атаковать русские порты. В этом конфликте надеяться на какую-то реальную помощь на Балтике со стороны Франции не приходилось. Поэтому Павел I принял неординарное решение и отдал приказ о посылке донских казачьих полков для поиска путей в Индию через Среднюю Азию. Это был нестандартный ход в ответ английскому адмиралтейству. В двух рескриптах 12 января 1801 г.³⁰ атаману Войска Донскому генералу от кавалерии В. П. Орлову Павел I следующим образом объяснял сложившуюся ситуацию: «Англичане готовят флот и войском на меня и на союзников моих — Шведов и Датчан. Я и готов их принять, но нужно их самих атаковать и там, где удар им может быть чувствительнее и где меньше ожидают. Индия лучшее для сего место. От нас ходу до Инда, от Оренбурга месяца три, да от вас туда месяц, а всего месяца четыре³¹. Поручаю всю сию экспедицию вам и войску вашему, Василий Петрович... Все богатство Индии будет вам за сию экспедицию наградою»³². Авантюризм в этом деле был налицо. Абсолютно понятно, что все делалось экспромтом, без какой-то предварительной капитальной

³⁰ Эти и далее приводимые письма Павла I В. П. Орлову являются копиями с оригиналов, хранящихся в современном РГВИА (Об этом см.: *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. I. С. 252; Он же. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 417–418). Они с небольшими разночтениями ранее публиковались: Сын Отечества. 1849. № 10. С. 1–4; *Филонов А.* Оренбургский поход // Донские войсковые ведомости. 1859. № 2. С. 7–8; Чтения в обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. III. Раздел V. С. 167–168; Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне. Кн. II. London, 1861. С. 3–6; Русская старина. 1873. № 9. С. 409–410; Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII. С. 53–54; *Милютин Д.* История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. III. С. 696–697; Русская старина. 1873. № 9. С. 409–410; Русско-индийские отношения в XIX в. С. 27–34. Частично там же публиковалась переписка В. П. Орлова с Павлом I. (Оригиналы хранятся в: РГВИА. Ф. 26. Оп. 1 / 152. Д. 104).

³¹ Возможно, что примерные сроки взяты из доклада генерал-прокурора Сената П. Х. Оболянинова о развитии торговых связей с Индией и Средней Азией, составленного в декабре 1800 г. В докладе указывалось, что купеческие караваны идут от Астрабада до ближайших индийских провинций за пять недель, до Бухары за 18 дней, а до Хивы за 14 дней (Русско-индийские отношения в XVIII в. М., 1965. С. 418).

³² Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII. С. 53.

подготовки, с большим налетом дилетантизма и откровенного легкомыслия. Причем Павел, говоря о присылке карт, фактически признавался Орлову, что посылает экспедицию в никуда: «Карты мои идут только до Хивы и до Амурской (Аму-Дарьи. — В. Б.) реки, а далее ваше уже дело достать сведения до заведений английских и до народов Индейских им подвластных»³³. О том же свидетельствуют последующие записки императора донскому атаману. Так, сообщая ему о посылке карт Средней Азии³⁴, Павел I, как бы между прочим, написал: «Помните, что вам дело до англичан только и мир со всеми теми, кто не будет им помогать; и так, проходя их, уверяйте о дружбе России и идите от Инда на Гангес, и там на англичан. Мимоходом утвердите Бухарию, чтоб китайцам не досталась»³⁵. В Хиве высвободите столько то тысяч наших пленных подданных. Если бы нужна была пехота, то вслед за вами, а не иначе будет можно. Но лучше кабы вы то одни собою сделали»³⁶. Механизм сохранения мирных отношений с воинственными степняками и среднеазиатскими властителями не раскрывался, так же как и средства, способные «утвердить Бухарию» за Россией. Тогда как даже после присоединения Средней Азии к Российской империи, например, Бухарский эмират сохранял государственность в вассальном от России статусе. Расходы казначейства на эту «секретную экспедицию» (1 670 тыс. руб.) «должны быть возвращены от генерала от кавалерии Орлова I из добычи той экспедиции». Причем дороги от Оренбурга в Хиву и далее предстояло искать самому Орлову, и он заблаговременно отправил есаула Денежникова и хорунжего Долгопятова с целью предварительной разведки будущего пути. Но предпринятые усилия двух офицеров оказались тщетными. Как уведомлял Орлова Оренбургский губернатор Н. Н. Бахметьев о пребывании в Оренбурге Денежникова, что «если бы пробыл здесь и еще месяц, но достаточного сведения не получил бы»³⁷. Ожидаемая завоевательная прогулка могла превратиться и, ско-

³³ Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне. Кн. II. С. 4.

³⁴ Карты 30 ноября 1800 г. были посланы в Петербург от оренбургского военного губернатора генерал-майора Н. Н. Бахметьева, который писал императору: «О дорогах торговых, какие имеют от здешней линии выгоднейшие в Бухарию и Хиву для всеподданнейшего представления Вашему Императорскому Величеству ныне же препроводил я карты с описанием господину генерал-прокурору» (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 93. Л. 49–49 об.).

³⁵ Еще 11 октября 1800 г. оренбургский военный губернатор генерал-майор Н. Н. Бахметьев получил предписание от Павла I «наблюдать бухарцев»: «Нет ли видов к привлечению их от китайского правительства». Бахметьев отвечал 30 ноября 1800 г., что бухарцы «не зависят от китайского правительства и не имеют с китайцами ни малейшего сношения». Такое же предписание получил инспектор Сибирской инспекции генерал-майор Н. И. Лавров и дал на запрос такой же ответ (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 93. Л. 49–49 об., 62).

³⁶ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII. С. 54.

³⁷ Там же. С. 56–58; Филонов А. Оренбургский поход // Донские войсковые ведомости. 1859. № 1. С. 3–4; № 2. С. 6.

рее всего, превратилась бы в военную катастрофу. Достаточно вспомнить два весьма печальных по своим последствиям аналогичных предприятия русских властей — Хивинскую экспедицию князя А. Бековича-Черкасского в 1716–1717 г. и Хивинский поход В. А. Перовского 1839 г. Надо сказать, что, не в пример 1801 г., эти две экспедиции были не столь многочисленны (примерно по 5 тыс. человек), но готовились более тщательно. К тому же им ставились более скромные локальные задачи, а не столь грандиозные и претенциозные, как Орлову, результаты же их, тем не менее, оказались провальными. Можно предположить, что в открытом бою казаки, вероятно, одержали бы победу над местными войсками. Но на их пути стояли еще и укрепленные города, которые нужно было брать и, продвигаясь дальше, оставлять там гарнизоны. Как полки Орлова (иррегулярная кавалерия с легкими конными орудиями) смогли бы их захватить? Хотя в анналах казачьей истории имелись успешные примеры штурмов городов (Азова, Измаила и др.), но все же к этому времени у донцов сложилась несколько иная воинская специализация. Можно усомниться в том, что без поддержки регулярной пехоты и тяжелой артиллерии им удалось бы это осуществить. Во всяком случае, они понесли бы ощутимые потери. Но даже если бы казакам удалось совершить невозможное и они прошли бы Среднюю Азию (их бы мирно пропустили или они оружием проложили бы себе путь), затем полки Орлова уперлись бы в Памирский хребет. Труднопроходимые горы и за ними воинственные афганские племена на пути к Индии. И таких гипотетических проблем возникло бы при реализации поставленной задачи слишком много. «Неисчетные трудности» предстояло преодолеть донским полкам — так выразился тогда генерал К. Ф. Кнорринг в письме к В. П. Орлову³⁸.

Очень странно также то, что в поход были направлены только донские полки, а посылать уральских и оренбургских казаков, хорошо знакомых с условиями степей Средней Азии, даже не планировали и о них не упоминали. Создается впечатление, что Павел I хотел избавиться от самого большого казачьего войска России, бросая его на невыполнимое предприятие, а если бы оно все же справилось с задачей, его численность все равно убавилась бы. Примерно в таком свете смотрели на это и некоторые современники событий. Так, весьма близкая ко двору Д. Х. Ливен считала, что за три месяца до начала экспедиции «император Павел в гневной вспышке решил предать уничтожению все донское казачество». По ее словам, «император рассчитывал, что при продолжительном зимнем походе болезни и военные случайности избавят его окончательно от казачества»³⁹. Из историков толь-

³⁸ Филонов А. Оренбургский поход // Донские войсковые ведомости. 1859. № 2. С. 8.

³⁹ Царевубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб., 1907. С. 186–187.

ко Н. Я. Эйдельман полагал, что одним из обстоятельств назначения донцов для реализации индийского проекта было «не раз высказанное желание Павлом “встряхнуть казачков”, убавить в военной обстановке их вольности и для этого возложить на них главную тяжесть дальнего похода»⁴⁰.

Все эти рассуждения не лишены оснований. Как раз на 1800 г. приходится печально знаменитое дело братьев Грузиновых, которое имело широкий резонанс на Дону. В сентябре — октябре 1800 г. казнили (несмотря на закон 1799 г., запрещающий казни) 6 человек: братья Е. О. и П. О. Грузиновы, как государственные преступники, были заперты кнутом, отчего скончались, а еще четверым «за недоносительство» отсекли головы; более сорока человек были наказаны плетью⁴¹. Назначенный из метрополии присутствовать в войсковом правлении генерал-майор князь В. Н. Горчаков доносил из Черкаска 10 февраля 1801 г. «о видимом ныне здесь прекращении всех неприличностей; ибо доносов об оном более месяца не поступало»⁴². Войсковой атаман В. П. Орлов также излагал свою версию по поводу сложившейся напряженной ситуации на Дону: «Оказались разновременно некоторые изверги, наносящие неприятность, а целому войску сокрушение»; но он полагал, что поскольку «из числа доносов были такие, кои происходят от пьянства или по вражде», то разбираться с ними должны не генералы из Петербурга, а местные власти. Само же решение о походе донских полков было принято императором Павлом I еще в 1800 г. Во всяком случае, атаман В. П. Орлов еще в декабре 1800 г. предпринял поездку по станицам и 14 декабря, давая отчет о количестве неспособных к службе и «написанных из малолетков в казаки», докладывал: «Приемлю смелость Вашего Императорского Величества всеподданнейше удостоверить, что все Войско Донское преисполнено готовности к Высочайшей службе и усердия к Священнейшей Вашего Императорского Величества особе»⁴³. Атаман попытался выправить неблагоприятную ситуацию на Дону и, видимо, уже имел сведения о предстоящем походе.

Исполнять царскую прихоть Войску Донскому все же пришлось. 41 донской казачий полк и 2 роты конной артиллерии (24 орудия, 41 500 лошадей и 22,5 тыс. человек — все боеспособные на тот момент казаки, находившиеся на территории войска)⁴⁴ в конце февраля 1801 г. отправились четырьмя эше-

⁴⁰ Эйдельман Н. Я. Грань веков. М., 1982. С. 224.

⁴¹ Савельев Е. П. История казачества. Ч. III. Новочеркасск, 1916. С. 438–439; Гордеев А. А. История казаков. Ч. 3. М., 1992. С. 158–159.

⁴² РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 104. Л. 544.

⁴³ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 93. Л. 813–814.

⁴⁴ Судя по архивным документам, в поход отправились 40 донских полков (Атаманский — тысячного состава, четыре полка генерал-майоров — 6-сотенные, остальные — 5-сотенные) и один калмыцкий (полк Асанова — 5-сотенный). (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 107. Л. 105, 275).

лонами (отрядами)⁴⁵ зимой в тяжелых погодных условиях (ветра, морозы, снегопады) через Волжскую и почти безлюдную Оренбургскую степи на завоевание Средней Азии, а от Оренбурга они должны были достичь Индии, главной жемчужины в короне британской империи. Но, преодолев зимой с большими трудностями и лишениями (об этом пишут, приводя подробности, многие авторы) за три недели почти 700 верст, казаки (еще на российской территории в с. Мечетном «при вершинах реки Ирғиза») получили 25 марта 1801 г. из Петербурга одно из первых повелений (от 12 марта 1801 г.) взшедшего на престол молодого Александра I — о возвращении на Дон⁴⁶. Эту весть все участники похода восприняли с огромной радостью. По бытовавшему на Дону преданию, атаман В. П. Орлов, получив приказ накануне праздника Св. Христова Воскресенья, собрал полки и поздравил всех: «Жалует вас, ребята, Бог и Государь родительскими домами»⁴⁷. В апреле полки вернулись на Дон. Людских потерь не было, лишь выбыло из строя около 900 лошадей да казенные издержки составили крупную сумму. Так закончилось военное предприятие, в донской историографии оставшееся под названием Оренбургского, а в казачьей памяти Восточного похода. Но сама идея экспедиции в Среднюю Азию тогда очень обеспокоила англичан, и некоторые историки всерьез полагали, что, возможно, не без их помощи российский император Павел I потерял и трон, и жизнь.

Приведем мнение еще одного человека, знакомого с местными условиями, — Оренбургского военного губернатора генерал-майора Н. Н. Бахметьева. Его полностью не посвятили в детали экспедиции, он не знал маршрута (мог только догадываться), но должен был обеспечить полки Орлова переводчиками и медиками. Вот что он писал уже после восшествия на престол Александра I 27 марта 1801 г.: «Путь чрез степь киргис-кайсацкую в области

⁴⁵ Многие авторы ошибочно утверждают, что этой экспедицией руководил генерал-майор М. И. Платов, выпущенный для этого Павлом I из Петропавловской крепости. Его даже называли главнокомандующим (См. напр.: *Арсеньев А. В.* Атаман Платов — завоеватель Индии // Исторический вестник. 1893. № 10; *Федорова О.* За три моря месяца за три // Родина. 2000. № 9. С. 49). На самом деле Платов только 4 февраля 1801 г. прибыл в Черкасск, под его началом в походе находился лишь первый эшелон (отряд) из 13 казачьих полков, а возглавлял экспедицию войсковой атаман генерал от кавалерии В. П. Орлов. (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1 / 152. Д. 104. Л. 547.)

⁴⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Т. I. М., 1960. С. 11; РГВИА. Ф. 26. Оп. 1 / 152. Д. 107. Л. 273–274.

⁴⁷ *Филонов А.* Оренбургский поход // Донские войсковые ведомости. 1859. № 3. С. 10–12; Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII. С. 55–61; *Савельев Е. П.* Указ. соч. Ч. III. С. 440–442; *Гордеев А. А.* Указ. соч. Ч. 3. С. 153–157, 161–162. Радость от окончания похода В. П. Орлов не смог скрыть даже в официальном донесении Александру I, описывая это событие: «Войско Донское, учиня со мною на верность службы Вашего Величества присягу и воздав ко всевышнему Богу о здравии и благоденствии Вашего Императорского Величества усерднейшие молитвы» (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 107. Л. 273).

бухарскую и хивинскую сопряжен не только с чрезмерным затруднением, но даже и совсем почесть невозможный, ибо во многих местах надо запастись водою суток на двое и более; следственно таковому войску, сколько следует под начальством генерала от кавалерии Орлова, пройти, послужит не малую потерю как в людях, так и в лошадях; притом же, кроме четырехмесячного провианта, приуготовленного здесь, по предварительному уведомлению генерала прокурора, на четыре месяца для двадцати тысяч войска, и приуготовлений других никаких, по сие время сделать не повелено; и неизвестно, на чем отправить должно означенный провиант приуготовленный на четыре месяца»⁴⁸.

У исследователей попытка русского проникновения в Среднюю Азию в 1801 г. вызывала разную реакцию, и они давали самые противоречивые оценки⁴⁹. Большинство все же квалифицировало ее как авантюру (даже безумную) или просто в позитивистском ключе излагали факты без особых выводов. Но были и такие, кто полагал, что Павлом I тогда были поставлены вполне достижимые цели. Например, А. В. Арсеньев, в 1893 г. написавший статью на эту тему, всерьез утверждал, что донцам (как он считал, под командованием М. И. Платова) было вполне по силам «перейти степи до границ Индии и там возмутить все туземное население против своих ненавистных поработителей-англичан; такое действие появления казаков-освободителей на умы индийцев, несомнительное и в наши дни, в то время имело больше шансов на успех». Вывод этот поразителен тем, что, помимо примитивной беллетризации исторического повествования, далее в статье автор сделал упор на зревшем казачьем бунте — донцы еще во время похода на своей территории, столкнувшись с трудностями, были готовы пойти на открытое неповиновение воле безумного императора и уйти хоть к туркам⁵⁰. Можно указать и на другого, более грамотного, дореволюционного автора, скрывшегося под инициалами А. Ш-ий (А. Шеманский), которого, судя по подходу и использованной терминологии, можно охарактеризовать как профессионального военного аналитика. Он считал, что индийская экспедиция имела не только высокие шансы на успех, но и могла «быть поставлена в ряду наиболее образцовых стратегических поступков этого рода»⁵¹. В какой-то степени этого военного автора можно оправдать тем, что, помимо научного любопытства, в его работе присутствовал и профессиональный подход, так

⁴⁸ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1 / 152. Д. 107. Л. 332–333.

⁴⁹ Самую крайнюю оценку дал востоковед Н. А. Аристов. По его едкому замечанию, этот план Павла I «скорее относился к области психиатрии» (Цит. по кн.: *Снесарев А. Е.* Указ. соч. С. 27).

⁵⁰ *Арсеньев А. В.* Атаман Платов — завоеватель Индии // Исторический вестник. 1893. № 10. С. 47.

⁵¹ *Ш-ий А.* Былые русско-английские распри // Военно-исторический сборник. 1916. № 2. С. 47.

как события 1801 г. он проецировал на потенциальную ситуацию в будущем — вдруг русским войскам понадобится совершить бросок в Индию? В тексте статьи были достаточно грамотно рассмотрены цели, задачи, условия, средства, разработка плана, перечислены возможные трудности (правда, далеко не все), а успеха, по его мнению, можно было достигнуть только благодаря целеустремленности и внезапности.

Совсем по-иному выглядят выводы нашего современника В. А. Захарова. Бросив мимоходом упрек своим коллегам («мало кто удосужился серьезно изучить цели и задачи предполагавшейся экспедиции»)⁵², он связал осуществление Индийского проекта с «мальтийской политикой» Павла I, а самого императора охарактеризовал как «умного, проницательного, настойчивого». Не будем разбирать большое количество ошибок в его работе. Сама статья повторяет фактический материал (включая научный аппарат и сюжеты), приведенный в книге известного историка Н. Я. Эйдельмана, но вот выводы, сделанные автором, оказались весьма неожиданными. «Подводя итоги “индийскому походу”, — пишет В. А. Захаров, — приходится констатировать, что он стоил жизни пяти тысячам казаков, оставшихся лежать в земле Азии. Но, с другой стороны, он был вполне взвешен и обдуман, его претворение в жизнь давало бы России расширить (так в оригинале. — В. Б.) свое влияние на Восток, ослабив таким образом английское. С другой стороны его реализация вполне возможно изменила бы и ситуацию на Кавказе и не привела бы к кровопролитной Кавказской войне, разразившейся через четверть века. История не только России, но и всего мира была бы совершенно другой»⁵³.

Неизвестно, откуда автором взята совершенно фантастическая цифра безвозвратной убыли экспедиции В. П. Орлова, не сделавшей ни одного выстрела, но якобы потерявшей свыше 20% личного состава за один месяц, да еще находясь на своей территории. Какие же потери казачий отряд имел бы после перехода границы? Такой результат уже можно считать (и он считался бы) катастрофическим, а В. А. Захаров, противореча самому себе, полагает, что план «был вполне взвешен и обдуман».

В данном случае исторические реалии соседствуют с гипотетическими рассуждениями, оторванными от реальной канвы событий, а автор исходит не из фактического материала, с которым он явно слабо знаком, а из собственных мечтаний: как было бы замечательно одним кавалерийским наскоком «утвердить» Среднюю Азию (да и Индию мимоходом), после чего у империи появилось бы такое влияние, что народы Кавказа, по-видимому, сразу добровольно присоединились бы к России?!

⁵² Захаров В. Об индийском походе Наполеона Бонапарта и Павла I // Рейтар. 2006. № 26. С. 32.

⁵³ Там же. С. 46.

Но историк должен строить свой анализ не на желаемом, а исходить из документов и тогдашней действительности. Начнем с того, что по прибытии казаков на Дон атаман донес в Петербург об отсутствии людских потерь (правда, было много заболевших). Иных сведений в источниках и в литературе найти мне не удалось. Но план экспедиции от этого не становится «взвешенным и обдуманным», он был нереалистичным, поскольку не отвечал ни внутренним, ни внешним задачам государства. Да и стоит ознакомиться с литературой о русском проникновении в Среднюю Азию в XIX веке, чтобы понять все трудности, с которыми сталкивались армия и власти⁵⁴. Да и быстрого и адекватного ответа вероятным действиям английского флота на Балтике в 1801 г. не получилось бы. В лучшем и самом благоприятном случае (казаки Орлова дальше Памира не продвинулись бы), английская реакция на такой шаг была бы запоздалой. В тот момент поход в Среднюю Азию мог создать не прямую, а лишь косвенную и потенциальную угрозу английским владениям в Индии. А вот непосредственно в 1801 г. все бы решилось в боевом противостоянии Балтийского флота с эскадрой Г. Нельсона (как не специалист по морским делам, не возьмусь предсказать, кто одержал бы верх⁵⁵). Так ли это нужно было тогда России?

Во всяком случае, поход русских войск через Среднюю Азию представлялся очень проблематичным. Еще в 1750 г. действительный тайный советник И. И. Неплюев из Оренбурга «отправил для пробы в Индию небольшой караван с оренбургскими татарами и считал его уже без вести погибшим», когда в 1754 г. он возвратился в Оренбург. Особых торговых отношений со Средней Азией больше не наблюдалось. В 1800 г. начальник оренбургского таможенного округа П. Е. Величко говорил с президентом коммерц-коллегии князем Г. П. Гагариным об учреждении русскими купцами «конторы индийской компании», но дальше разговоров и намерений дело не пошло⁵⁶. В 1804 г. началась подготовка к походу в Хиву, но была отменена⁵⁷. Далее в 1807 г. происходит активизация русских намерений; в 1808 г. в Хиву и Бухару опять хотели послать вооруженные купеческие караваны, но желающих

⁵⁴ См.: *Снесарев А. Е.* Индия как фактор в среднеазиатском вопросе; *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. I.; *Зайончковский П. А.* К вопросу завоевания Средней Азии // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 36–95.

⁵⁵ По данным Ф. Е. Огородникова, в 1800 г. по спискам на Балтийском флоте значился 31 линейный корабль, но из них едва ли 21 корабль мог считаться годным к бою. Английская эскадра состояла из 18 линейных кораблей, а всего из 93 кораблей разного класса. (См.: *Огородников Ф. Е.* Военные средства Англии в революционные и наполеоновские войны. СПб., 1902. С. 222; Русско-индийские отношения в XIX в. С. 35.)

⁵⁶ *Усов П.* Вооруженные караваны для торговли с Ост-Индией // Исторический вестник. 1884. № 7. С. 144.

⁵⁷ *Юдин П.* На Индию (По поводу небывалого похода атамана Платова) // Русская старина. 1894. № 12. С. 239.

купцов не нашлось, поэтому так ни одного каравана и не было отправлено⁵⁸. Это свидетельствует о том, что Россия в начале XIX столетия достаточно плохо знала положение соседей в Средней Азии и даже не имела в этом регионе своих торговцев.

Все же возвратимся к индийскому проекту начала XIX столетия и попробуем, опираясь на факты, реконструировать этапы развития самой идеи. Обострение отношений России с Великобританией началось с октября 1800 г., и тогда со стороны Павла I были сделаны первые шаги для подготовки казачьего похода в Среднюю Азию. 12 января 1801 г. Павел I подписал рескрипт атаману В. П. Орлову о походе его полков в Индию; следовательно, к тому времени идея экспедиции уже запала в голову российского императора. 15 января 1801 г. он обратился к Н. Бонапарту с предложением предпринять что-либо против Англии в Европе. Именно после этого, на фоне эскалации враждебных отношений с Великобританией, в павловском окружении и был разработан проект, а затем направлен с одним из русских генералов в Париж. Возможно, при ознакомлении с текстом плана сам первый консул поставил вопросы, а представлявший проект русский генерал постарался на них ответить. Этот текст и был направлен с Дюроком в Петербург, но Павла I он уже не застал в живых. Обсуждать проект оказалось не с кем. Новый император Александр I с первого момента вступления на престол решительно отказался от проведения антианглийской политики. Таким образом, текст проекта остался у французской стороны и впоследствии был опубликован в 1840 г.

Остается непроясненным вопрос об отношении Н. Бонапарта к самой идее индийского проекта, как и о том, что он выиграл от ее появления. Был ли искренен первый консул, проводя свою политику по отношению к России? На последний вопрос можно ответить утвердительно, так как любая дипломатическая комбинация по сотрудничеству с Россией тогда работала на интересы Франции. Даже сам факт переписки с российским императором давал дополнительные преимущества французской дипломатии на переговорах с австрийцами, помогал оказывать давление на нейтральные страны и даже увеличивал шансы на заключение мира с Великобританией. То, что правительство Бонапарта было заинтересовано в дружеских отношениях с Павлом I, не вызывает сомнений; кроме того, об этом свидетельствуют конкретные шаги по отношению к русским военнопленным, отпущенным без всяких предварительных условий на родину, а также теплый прием русских дипломатических представителей. Не говоря уже о том, что в дар Павлу I был отправлен хранившийся во Франции меч одного

⁵⁸ Усов П. Вооруженные караваны для торговли с Ост-Индией // Исторический вестник. 1884. № 7. С. 148–154.

из гроссмейстеров Мальтийского ордена. Со стороны Петербурга также проявлялось встречное желание наладить отношения. Правда, вопрос, в какой форме стали бы «дружить» две державы, оставался не совсем ясным⁵⁹. Смогли бы они заключить военно-политический союз или просто мирный договор? Сама динамика взаимных контактов и политическая ситуация толкали вчерашних противников в объятия друг к другу, хотя со стороны России оставались принципиальные требования, которые отнюдь не устраивали первого консула⁶⁰. Н. Бонапарт, думается, все же поддержал саму идею совместного похода, а также старался просто-напросто прозондировать политическую почву, надеясь лишь в будущем реализовать подобный план. Да и в текущей политике этот проект ему нисколько не мешал, а только работал на Францию, отвлекая Россию от европейских проблем и втягивая в фарватер внешнеполитических интересов Наполеона. Осуществлять идею именно в 1801 г. будущий французский император явно не намеревался. Но семена упали в почву, и потому Наполеон пытался претворить сходные замыслы в жизнь уже в 1808 и в 1812 гг.

⁵⁹ Подр. см.: *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. С. 332–374.

⁶⁰ Характеризуя ход франко-русских переговоров, А. М. Станиславская в своей монографии также пришла к аналогичному выводу: «Прошло немного времени, и невозможность союза павловской России и наполеоновской Франции стала очевидной». Она объяснила при этом, почему не произошло формального разрыва переговоров: «до определенного момента обе стороны равно желали союза против Англии» (*Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 164, 166).